

Глава 0597 120-летняя дева культивирования Тан Цзисянь пошевелила глазами, чтобы посмотреть на Тан Тяньфэн, и было очень небольшое движение головой.

Тан Тяньфэн молчал и не сказал идти, и не сказал нет.

Нин Тао засмеялся: "Старейшина Танг, разве ты не говорил, что хочешь поехать в тур, если передумаешь, просто притворись, что я ничего не говорил".

Первое, что вам нужно сделать, это получить максимальную отдачу от своей жизни, и вы сможете получить максимальную отдачу от своей жизни. Но если Тан Тяньрен идет с ним в медицинский центр "Небесный Дао", то лица на треногах добра и зла будут естественным образом идентифицировать добро и зло, если Тан Тяньрен является злым вождем здесь, то это также избавляет от проблем охоты и убийства, решая проблему раз и навсегда.

Тан Цзисянь сказал: "Давайте поговорим об этом позже, а торопиться некуда, так как еда уже давно приготовлена, и если вы голодны, то можете идти есть сейчас". У старого предка моей семьи есть хорошее вино, я произнесу за тебя хороший тост позже".

Однако Нин Тао все еще смотрел на Тан Тяньрен.

В это время Танг Тяньрен громко засмеялся: "Если я не пойду в вашу клинику, это будет шутка? Ладно, мы пойдем, Даосист Нинг, пожалуйста, ведите."

Нинг Тао сказал: "Зачем беспокоиться, я просто открою Ворота Дао".

Он взял обычную палочку с кровавым замком, вытянутым из маленького сундучка с лекарствами, и открыл рукой дверь удобства.

Тан Цзисянь однажды объединился с ним, чтобы убить Бай Шенга, и, зная секрет Врат Удобства, ему не нужно было ничего скрывать.

Появилась черная как чернила дыра в чайной, середина как черная дыра медленно вращалась, но вокруг как пламя, горящее, было ощущение, что пространство факела ожило и выжгло дыру.

Тан Тяньфэн смотрел прямо на дверь удобства, которое вдруг обнаружил себя, его глаза удивлены и его выражение выражение могилы.

Нин Тао встал и подошел к удобной двери, сказав: "Старейшина Танг, пожалуйста".

Тан Цзисянь встал и уставился прямо на Нин Тао, ее выражение немного нервничало. Очевидно, она не могла догадаться, что происходило в голове Нинг Тао, беспокоясь о своем старом предке и желая последовать его примеру.

Нин Тао просто вытянул правую руку в удобную для него дверь и снова сказал: "Старейшина Танг, пожалуйста".

Это действие, казалось, развеяло опасения Тан Тяньрена, когда он шагнул внутрь.

Нин Тао также следовал близко позади, и как только он вошел, дверь удобства внезапно рухнула и исчез в пустоту в одно мгновение.

Тан Цзисянь уже поднялась, но все равно опоздала на шаг. Она скребла серебряные зубы,

вытащила ноги и ворвалась в дверь.

В медицинском зале Небесного Дао царила тишина, и дым в горшке добра и зла закрутился.

Танг Tianfeng от двери удобства вышел из момента замерзла, лицо в дополнение к шок или шок. Это место похоже на обычную старомодную медицинскую школу, но оно дает людям ощущение Небесного Пути. Зеленый дым, как облако, катится, как облако. Этот гигантский штатив был толщиной в три горы и пять ярдов. Путь на небеса далеко, но он все еще там!

Нин Тао также вышел из дверей удобства, его первый взгляд не смотрел на Тан Тяньфэн, его первый взгляд побежал прямо к человеческому лицу на Трипод Добра и Зла.

Лицо человека на Трипode Добра и Зла было полно улыбок, и эта улыбка не могла устоять перед лицом человека горького добра Кан Цзюцзы.

Нинг Тао тоже замерз на месте.

Такой результат он и представить себе не мог.

По его мнению, Тан Тяньфэн определённо не был хорошим человеком, даже если он не был злым царем, но он не ожидал, что когда люди приходят, лица людей на Добра и Злой Трипode улыбаются, как полевые собаки.

Как это случилось?

Нинг Тао не смог разобраться.

Тан Тяньфэн внезапно подошел к Триподу Добра и Зла, ничего не сказав, и, встав на ноги, поднял подол своей длинной рубашки и в трепете на колени, сделав три повиновения.

Этого благочестия даже Нин Тао никогда не испытывал, по крайней мере, он никогда не поклонялся таким образом доброй и злой штативе, а вместо этого несколько раз ругал питчера.

Стоя рядом с Тан Тяньфэн, Нин Тао вдруг почувствовал, что больше нечего сказать.

Тан Тяньфэн встал, и только тогда он говорил, "Даосист Нин, только что Цзы Сиань присутствовал, я не в хорошем положении, чтобы говорить. Теперь, когда её здесь нет, я поговорю с тобой."

Нин Тао сказал: "Старейшина Танг может говорить все, что захочет, здесь только мы вдвоем, если неудобно сказать мисс Танг, я не скажу ему".

Танг Тяньфэн сказал: "Он моя внучка, ее родители рано умерли. Знаете, у нас, культиваторов, длительный срок службы, но не все наши потомки могут быть культиваторами. Божественный дар - это то, что может быть даровано только небесами, и без небес не может быть дано. Я не мог позволить им остаться надолго, и, испытав на себе страдания беловолосых до черноволосых, я немного избаловал Зиксян и вынашивал некоторые из ее вредных привычек".

Нин Тао не двигался и слушал, немного странно в сердце, почему Тан Тяньфэн говорил с ним об этом?

Тан Тяньфэн снова сказал: "Цзисянь была девочкой, родившейся в двадцать четвертом году Гуансю, и я помню тот год, когда Канг Юйвэй и несколько их мальчиков изменили закон, так что она тоже на несколько лет старше тебя".

Нинг Тао: "....."

В 1898 году Тан Цзисянь был всего 120 лет, не намного старше его, но только в 90-е годы.

"Старейшина Танг, что....." спросил Нин Тао, надавив на любопытство в сердце: "Зачем ты мне это рассказываешь?"

Глаза Тан Тяньфэн лихорадочно посмотрели на Нин Тао: "Что ты думаешь о Зиксяне моей семьи?"

"Она милая, такая молодая, красивая, умная и довольно милая." Нинг Тао сказал.

Он действительно молод, и возраст культиваторов и демонов не может быть измерен взглядом обычного человека на возраст. По стандартам Чен Пин Дао, прожившего более двух тысяч лет, Тан Цзисянь - всего лишь "двенадцатитрехлетняя" несовершеннолетняя девочка. По возрасту она намного моложе даже Бай Цзина и Цинь Чжуня.

Но какая ему разница?

Танг Тяньфэн посмеялась: "Так как ты думаешь, что она хороша, время от времени она говорит о тебе и в моих ушах, каждый раз, когда она говорит о тебе, она очень счастлива, я могу сказать, что ты ей нравишься, я встретил тебя сегодня, ты мне тоже нравишься, давай сделаем из тебя даосскую пару".

"А?" Нинг Тао был ошеломлен.

Он даже не мечтал о том, что Тан Тяньфэн скажет ему на самом деле - сватовство!

Танг Тяньфэн сказал: "Если ты убьешь моего брата, как ты думаешь, сможешь ли ты избавиться от этого? Ты прав, ты убил его ради неба и земли, но Я брат, а старший брат - мой отец, и если ты убьешь его, то убьешь моего отца".

В этом тоже есть смысл.

Нинг Тао горько улыбнулся, втайне почувствовав головную боль. Если бы Тан Тяньфэн был злодеем или даже злым царем, то проблема была бы хорошо решена, а вот Тан Тяньфэн, наоборот, был великим добрым человеком. Он добр в случае добра и зол в случае зла. Тан Тяньфэн - хороший человек с "улыбающимся лицом", он не может убивать, он не может драться, он даже не может выносить, чтобы обмануть, что он может сделать с Тан Тяньфэн?

Дело не в том, что он педантичен, а в том, что он проявляет себя как посредник между добром и злом. Когда он встретит нечестивого, его злая сторона пробудится и будет более злой, чем нечестивый. Когда он встречает хорошего человека, его хорошая сторона будет пробуждена, и его сердце будет мягким, и он не сможет противостоять стремлению защитить хорошего человека и решить трудности хорошего человека. Наказание зла и пропаганда добра - это то, что вытравлено в его костях.

Тем не менее, хорошие люди иногда могут делать вещи, которые делают людей безмолвными, даже плохие вещи, которые причиняют боль другим.

Это одна из таких ситуаций.

"Это... "Нинг Тао колебался или спрашивал: "Это то, что имел в виду старейшина Танг, или мисс Танг?"

Танг Тяньфэн сказал: "Вот что я имею в виду, она не знает об этом".

Нин Тао немного расслабился, когда улыбнулся: "Старейшина Танг, вы знаете, что я женился на трех женах?"

Танг Тяньфэн сказал: "Ты убил моего старшего брата, это большая месть, я должен отомстить за старшего брата". Но если ты женишься на Зиксиане, то это совсем другая история, как говорится в поговорке: "Тигровый яд не ест своего сына, так что я не могу убить своего внука, чтобы отомстить за брата, не так ли?".

Нин Тао горько улыбнулся: "Нет, старейшина Танг, вы что, не слышали, что я сказал? Я..."

Тан Тяньфэн прервал слова Нин Тао: "Меня не волнует, сколько жен ты женился, если ты можешь взять одну, две и три, то, естественно, ты можешь взять четыре и пять".

Нинг Тао не знал, что сказать в этот момент.

Тан Тяньфэн сказал: "Давайте решим это, я уже посмотрел на день, двадцать седьмой день лунного месяца был бы неплохим, в этот день вы приходите и женитесь на нашей семье Цзы Сиань".

Не могу поверить, что он даже выбрал свои дни.

Минуточку.....

Двадцать седьмой день лунного месяца?

Нин Тао мгновенно понял что-то в своем сердце и тайно сказал: "Двадцать седьмой день лунного месяца уже очень близок к высадке Мэн Бо на Луну снова, поэтому он так хочет жениться на своей внучке на мне, может быть, из-за моего плана отправиться на Луну"?

Зная тайну Врат Удобства, Тан Цзисянь, естественно, мог догадаться и о своем плане, ему оставалось только попросить Мен Бо подписать луну с нарисованным на ней кровавым замком. Мамбо отправился на Луну, а потом подожди, пока не расскажешь ему о том, что он тоже отправился на Луну. Если бы она вышла за него замуж до того, как этот план осуществился, и собиралась отправиться на Луну, или даже Тан Тяньфэн собирался отправиться на Луну, разве это не было бы покрывалом для постели?

Тан Тяньфэн посмотрел прямо на Нин Тао: "Сяо Нин, будь ты врагом или другом - все это в твоей голове. Я не хочу делать из тебя врага, и не заставляй меня делать из тебя врага".

Это почти завуалированная угроза.

Нин Тао не сдвинулся с места и сказал: "Старейшина Танг, это не тривиальный вопрос, я должен подумать об этом, я также должен обсудить это с женой дома, я скажу вам, когда все обдумаю".

Танг Тяньфэн сказал: "Ничего страшного, возвращайся и подумай, дай мне ответ в течение семи дней".

Нин Тао сказал: "Тогда я пошлю старейшину Танга сейчас же, я тоже не буду есть, я вернусь и обсужу это дома с женой".

Тан Тяньфэн, однако, схватил Нин Тао за руку в одной руке: "Как это может быть, еда все еще необходима, когда мы едим, я поговорю об этом с Цзы Сиань".

Нинг Тао колебался: "Ладно, тогда я побеспокоюсь".

"Нинг Тао!" За дверью внезапно появился звонок Тан Цзисянь.

Нин Тао поднялась и открыла дверь, Тан Цзисянь встал в дверной проем и заглянул внутрь, она почувствовала облегчение, увидев, что Тан Тяньфэн стоит в вестибюле.

Нин Тао посмотрел на Тан Цзисяня, который уже не был какой-то 120-летней культивирующей девой небесного вида, а превратился в жирную бабушку средних лет. Очевидно, что она беспокоилась о том, что он причинит боль Тан Тяньфэню, поэтому она погналась за ним, но за такой короткий промежуток времени, она на самом деле не забыла использовать талисман долины Инь Чжэнь, чтобы скрыть свое истинное лицо, действительно ли существовало какое-то древнее правило?

"Зиксян, я тебе кое-что потом расскажу". Танг Тяньфэн сказал.

Тан Цзисянь вошел в дверь: "Старый предк, что ты хочешь мне сказать?"

Дверь медицинского зала Небесного Дао была закрыта, и Нинг Тао наблюдал за тем, как эти двое разговаривали, тайно наблюдая.

Тан Тяньфэн, однако, сказал: "Давай поговорим об этом дома, Сяо Нин, пожалуйста, открой еще одну дверь и пойдем домой к ужину".

Тон уже был немного семейным.

Тан Цзисянь посмотрел на Tang Tianfeng ненормальным взглядом, затем снова посмотрел на Ning Tao, этот взгляд был таким запутанным.

Если это спектакль, то в этом актерском мастерстве уже есть королева кино.

Нин Тао улыбнулся и подошел к стене замка и открыл дверь удобства: "Пожалуйста".

<http://tl.rulate.ru/book/29303/866394>